

УДК 32.001

ЭТНИЧЕСКИЕ ВООРУЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ В ПРОЦЕССЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА СТРАН ЦЕНТРАЛЬНО- ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И БЫВШЕГО СОВЕТСКОГО СОЮЗА

А.Г. Большаков

Аннотация

В статье рассматривается влияние внутренних вооруженных конфликтов на процесс демократизации в странах Центрально-Восточной Европы и бывшего Советского Союза, анализируются тенденции их протекания и урегулирования.

Данная статья стала возможна благодаря реализации коллективного исследовательского проекта (№ СП-008-06/04) Саратовского МИОНА и грантополучателей Программы «МИОН» по теме: «Политические институты и практики посткоммунистического общества: потенциал устойчивости традиционной модели власти». Поддержка данного проекта была осуществлена АНО ИНО-Центр совместно с Министерством Образования и науки РФ, Институтом перспективных исследований им. Кеннана (США) при участии Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фондом МакАртуров (США).

В современных дискуссиях о применимости транзитологии и теории консолидации демократии в странах Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ) и бывшего Советского Союза (БСС) существует как минимум две точки зрения по вопросу об ее универсальности. Часть исследователей (Т.Л. Карл, Ф. Шмиттер и др.) [1] настаивает на применимости транзитологической парадигмы, сформированной на опыте анализа стран Южной Европы и Латинской Америки, признавая при этом определенную специфику региона Центрально-Восточной Европы и бывшего Советского Союза. Другая часть (Г. Шопфли, М. Макфол и др.) [2, 3] говорит об исключительности региона Центрально-Восточной Европы и бывшего Советского Союза, указывая на целый ряд образовавшихся гибридных режимов и новых автократий. Те и другие исследователи солидарны только в одном выводе: режимный транзит в данном регионе фактически завершился.

Российские политологи А. Мельвиль, М. Ильин, Б. Макаренко, А. Никитин, В. Гельман и др. [4–6] говорят о появлении новых автократий, о транзите от одной разновидности недемократий к другой, спорят о региональных особенностях режимов в рамках одного национального государства, соглашаются с завершенностью транзита. Хотя именно с этим утверждением, на мой взгляд, можно и поспорить. Режимный транзит завершился для консолидированных демократий и автократий, а для гибридных режимов он продолжается, вопрос лишь в его векторной направленности. При этом российские ученые основным

предметом своего анализа делают именно страны бывшего Советского Союза и находятся под впечатлением «авторитарной консолидации» политического режима в России, проявившейся особенно ярко в 2003–2004 гг. [7].

Представляется, что даже ведущие отечественные специалисты-транзитологи пока мало внимания уделяют существенным различиям, которые сложились между странами Центрально-Восточной Европы и странами бывшего Советского Союза. Среди стран Центрально-Восточной Европы преобладают новые либеральные представительные демократии, гибридные режимы характерны для небольшого количества стран: Албании, Боснии, Сербии и Черногории, Македонии, автократические режимы отсутствуют. Среди стран бывшего Советского Союза лишь Латвия, Литва и Эстония (исключая этнократическую составляющую) могут быть отнесены к консолидированным демократиям (или приближающимся к таковым), для всех остальных стран характерны гибридные либо автократические режимы.

В этой связи, с методологической точки зрения, очень важным является идея о «концептной натяжке» Дж. Сартори, которая в отечественной литературе активно пропагандируется М. Ильиным. Речь идет о том, что универсальные понятия и инструменты исследования могут не работать на локальном уровне, в данном случае парадигма транзита в странах бывшего Советского Союза. Концепты режимного транзита были созданы целой группой авторов и опирались в основном на опыт переходного периода в странах Латинской Америки и Южной Европы. Экстраполяция данных наработок даже на территорию стран Центрально-Восточной Европы имела массу издержек, так как любой региональный транзит порождает специфичные явления и процессы. Страны бывшего Советского Союза, которые совершали транзит практически одновременно со странами Центрально-Восточной Европы, находились в совершенно иных стартовых условиях, обладали очень большими социокультурными и политическими особенностями. Поэтому, если и вести речь о применимости парадигмы транзита к странам бывшего Советского Союза, то она должна включать в себя уже наработки по региону Центрально-Восточной Европы и учитывать специфику стран бывшего Советского Союза, прежде всего, склонность данных государств к авторитарной политической системе.

Этнические вооруженные конфликты, на мой взгляд, могут быть индикатором, демонстрирующим «концептную натяжку» транзитологии, теории политического конфликта.

Зоны распространения этнических вооруженных конфликтов в посткоммунистических странах

Под понятие «этнический вооруженный конфликт» попадают далеко не все этнические противоборства в странах Центрально-Восточной Европы. Конфликт в Боснии и Герцеговине интерпретируют чаще как межконфессиональный (хотя его влияние на бывшую Югославию, в том числе этническую ситуацию, нельзя недооценивать), этническая напряженность, связанная с проживанием венгерского меньшинства в румынской Трансильвании, или проблема крымских татар на Украине не доросли до ситуации вооруженного противостояния, конфликты, связанные с политической борьбой, очень часто не являются этни-

ческими и т. п. Приднестровско-молдавский конфликт все же может быть отнесен к этническому вооруженному конфликту, хотя политические факторы в нем доминируют над этническими. Необходимо отметить также, что в данной статье речь идет об институционально определенных конфликтах, ситуации, подобные этническому геноциду цыган в Европе, не рассматриваются.

В посткоммунистических странах Европы, на мой взгляд, существует четыре «зоны» вооруженных этнополитических конфликтов.

«Первая зона» – это территория Центральной Европы. Все вооруженные этнополитические конфликты здесь связаны со странами бывшей Югославии (СФРЮ) и Албанией (албано-македонский, сербско-словенский, сербско-хорватский, косовский (албано-сербский)). При определенных обстоятельствах, описанных выше, сюда можно отнести и конфликт в Боснии и Герцеговине.

«Вторая зона» – это территория российского приграничья, включающая Украину, Белоруссию, Молдавию. Здесь можно выделить приднестровско-молдавский вооруженный этнополитический конфликт.

«Третья зона» – это территория Северного Кавказа России. Можно дискутировать о европейской принадлежности Кавказа (Северного и Южного), но в геополитическом смысле – это точно Европа. Здесь можно говорить о российско-чеченском и осетино-ингушском вооруженных этнополитических конфликтах.

«Четвертая зона» – это территория Южного Кавказа. Все три новых посткоммунистические страны – Азербайджан, Армения, Грузия – вовлечены в вооруженные этнополитические конфликты: абхазо-грузинский, грузино-осетинский, армяно-азербайджанский.

Таким образом, можно говорить о 10–11 этнических вооруженных конфликтах на пространстве государств Центрально-Восточной Европы и бывшего Советского Союза после крушения коммунистических режимов. Три последние «зоны» – это территории стран бывшего Советского Союза, и процесс протекания и урегулирования вооруженных этнополитических конфликтов в них обнаруживает сходство по многим параметрам.

Этнические вооруженные конфликты и процесс демократизации

В начале последнего десятилетия XX века считалось, что поддержка демократических процессов в странах, только что освободившихся от авторитарных режимов, приведет к установлению мира и международной, региональной и местной стабильности. Тем не менее, последние десять – пятнадцать лет отличаются различного рода конфликтами и, прежде всего, в странах Центрально-Восточной Европы. Не были учтены многие трудности переходного периода. Резкий скачок к плюралистическому режиму часто порождал в народах воинственный национализм и особо жестокие вооруженные конфликты. Теории модернизации, политического транзита, демократического мира не смогли полностью объяснить процессы в «новых демократиях» Центрально-Восточной Европы.

Демократизация и внутренние вооруженные конфликты взаимосвязаны между собой. Причем в этой взаимосвязи обнаруживается противоречие: с одной стороны, демократизация обеспечивает переход к более плюралистичным

режимам, которые создают институциональные механизмы по управлению конфликтами. А с другой стороны, демократизация может способствовать появлению конфликтов различного рода (например, внутренних вооруженных конфликтов), которые способствуют замедлению или прекращению транзита, обеспечивают его авторитарную направленность.

Все страны Центрально-Восточной Европы (включая страны бывшего Советского Союза) можно условно разделить по критерию транзитной продвинутости на три группы: «новые демократии» (режимы, близкие к консолидированным демократиям), полудемократии (режимы, для которых характерны как авторитарные, так и демократические тенденции), авторитарные режимы. К первой группе относятся такие страны, как Чехия, Венгрия, Польша, Словения и др. Ко второй группе – Хорватия, Сербия и Черногория, Босния, Словакия, Македония, Болгария и др. К третьей группе – ряд стран бывшего Советского Союза.

Интересно, что первая группа стран практически не испытывала на себе внутренние вооруженные конфликты, вторая, напротив, состоит преимущественно из стран, где данные конфликты были достаточно существенными и определяли весь политический процесс. Правда, все страны Центрально-Восточной Европы (без учета стран бывшего Советского Союза) уже урегулировали внутренние вооруженные конфликты на своих территориях, как правило, при помощи иностранных государств и военных блоков.

Позитивным фактором является то, что не межэтническая ненависть и национальные предрассудки подрывают больше всего демократические процессы. Большинство внутренних вооруженных конфликтов произошло не по причине застарелой межкультурной ненависти. Например, сербы и хорваты не вступали в военное противоборство между собой до XX века, когда нацисты установили в Загребе карательный режим. В других случаях некоторым конфликтам между этническими и культурными группами предшествовали длительные дружеские отношения, поэтому культурные различия не могут быть достаточным объяснением насильственных конфликтов. Государства, вовлеченные в круговорот социальных и политических изменений в процессе перехода к плюрализму, были скорее склонны участвовать в войнах и даже развязывать их с большой охотой, чем страны с неизменным режимом правления.

Несмотря на то, что иногда демократизация может обернуться для государства вовлечением в войну, исторический опыт показывает, что три из четырех стран переходного периода избежали развязывания войны с начала демократических преобразований. Более того, как только либеральная демократия утверждается в какой-либо стране, она любой ценой старается не ввязываться в войну. В государствах, в которых на протяжении 90-х гг. XX века переходный период окончательно консолидировался, было отмечено более уважительное отношение к правам этнических и религиозных меньшинств, а конфликты были редкостью.

Три знаменитые попытки нарушения мирового равновесия путем агрессии, которые едва не завершились успешно (императора Наполеона в 1803–1815 гг., кайзера Вильгельма в 1914–1918 гг., нациста Адольфа Гитлера в 1939–1945 гг.) начались с безуспешных попыток демократизации общества. Националистиче-

ские народные движения, порожденные неудачей демократических реформ, создали условия для стремления к глобальной гегемонии. Таким образом, процесс демократизации может обернуться не только негативными социальными переменами, но и вовлечением в широкомасштабную кровопролитную войну.

Существует целый ряд средств для предотвращения внутренних этнических вооруженных конфликтов в период перехода к демократизации. Особую роль в этом отношении должны играть национальные элиты. Они вовлечены в процесс формирования политических взглядов всего общества, что накладывает на них очень большую ответственность.

Федерализм и этнические вооруженные конфликты в посткоммунистических странах

Этнические вооруженные конфликты в странах Центрально-Восточной Европы и бывшего Советского Союза возникли в результате процессов распада двух номинальных федераций (СССР и СФРЮ). Распад третьей «социалистической федерации» Чехословакии прошел относительно бесконфликтно и привел к образованию двух новых государств – Чехии и Словакии. Общим при распаде СФРЮ и СССР было и то, что они базировались на коммунистических режимах и крушение единства в компартиях данных государств привело и к распаду государства. При этом нужно иметь в виду, что тоталитарный и посттоталитарный режимы в СССР был более жестким, чем «самоуправленческий социализм» в Югославии, при этом этнические и федеративные проблемы решались примерно одинаково. Для понимания «стартовых условий» транзита важно то, что федерация в СФРЮ стала распадаться в связи с реакцией ряда ее частей на усиление доминирования Сербии, а в Советском Союзе факторами распада стали сепаратизм шести союзных республик и политическая борьба руководства РСФСР, УССР, БССР с союзным центром.

В странах Центрально-Восточной Европы в настоящее время все конфликты урегулированы, нет ни одного столкновения, находящегося на стадии вооруженного противостояния, в каждом случае видим политическое решение противоборства (при это нужно иметь в виду, что некоторые конфликты могут снова перейти в вооруженную стадию (речь идет не только о территории Косово, но и о геополитических планах Албании). Урегулирование происходило либо в результате военной победы одной из сторон и последующих переговоров, либо под давлением военной силы НАТО, США и их европейских союзников. Урегулирование ситуации достигалось при помощи военных поставок или даже прямого военного воздействия (бомбардировки авиации НАТО) с последующим этническим или конфессиональным разделением.

Важным, на мой взгляд, является то, что теория конфликта для аналитического описания завершения современных противоборств использует теоретическую дихотомию: «урегулирование» – «разрешение» конфликта. Так, согласно К. Митчеллу (США): «Первый способ (урегулирование) представляет собой результат организованного успешного побуждения (или принуждения) одного из противников к тому или иному типу действий, выгодному другой стороне или посреднику. Достигнутый таким образом «мир», или компромисс, непрочен и недолговечен: поскольку исходная причина соперничества не устранена,

постконфликтные отношения противников остаются чреватými новой вспышкой борьбы. Подлинным завершением конфликта с этой точки зрения может быть только его разрешение, которое достигается в процессе длительного обоюдного анализа противниками как истоков, так и содержания их спора; устойчивое равновесие сторон возникает как следствие фактического преодоления тех обстоятельств, которые породили конфликт, что позволяет установить новые отношения равновесия, удовлетворяющие обе стороны» [8].

Югославский кризис считался региональным европейским конфликтом, поэтому посредническую роль в нем на начальном этапе пытались играть европейские организации: Европейское сообщество (с 1992 г. – Европейский союз – ЕС) и в меньшей степени Совецание по безопасности и сотрудничеству в Европе (с 1995 г. – Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе – ОБСЕ). Обе эти организации не имели ни опыта миротворчества, ни механизмов, с помощью которых можно было выполнять принятые решения. Выход был найден в подключении к миротворчеству ООН. ЕС совместно с ООН организовали переговоры между противоборствовавшими сторонами. Они проводились в рамках Международной (Женевской) конференции по бывшей Югославии (МКБЮ). Конференция начала свою работу в сентябре 1991 г. Оперативной деятельностью занимались два сопредседателя координационного комитета от ООН и ЕС соответственно. В том же сентябре 1991 г. Совет безопасности ООН ввел эмбарго на поставки оружия и военного снаряжения в Югославию, которое затем распространилось и на выделившиеся из нее новые государства. Позиция международных посреднических структур в ходе этнополитических вооруженных конфликтов в Югославии очень часто не отличалась объективностью. Как правило, США и НАТО выступали на стороне противников руководства Югославии (сербов), фактически поддерживая сепаратизм и распад единого государства. Такая односторонняя позиция, естественно, критиковалась Россией, но большого значения для европейской политики это не имело.

В некоторых конфликтах, например, сербско-хорватском противостоянии сегодня наметился переход к стадии разрешения: налаживается экономическое взаимодействие. Президент Хорватии С. Месич дает личные гарантии безопасности туризма для сербов, осуществляется возвращение беженцев (пока, правда, в небольшом количестве), официальные лица двух стран приносят взаимные извинения своим противникам и т. п. Эти сдвиги стали возможными после демократизации режимов в Сербии и Черногории и Хорватии.

Вооруженные этнополитические конфликты в странах бывшего Советского Союза характеризуются отсутствием урегулирования (в смысле наличия политических решений), это ситуация консервации и прекращения вооруженных столкновений. Понятие «консервация» мало распространено в исследованиях политических конфликтов, но автор данной статьи считает его необходимым и адекватным, когда речь идет об этнических вооруженных конфликтах в странах бывшего Советского Союза. Опыт подобных столкновений показывает, что ситуация не продвигается далее вывода конфликта из вооруженной стадии, хрупкий мир поддерживается обычно трехсторонними вооруженными формированиями, одной из этих сторон являются российские военнослужащие. Все

попытки многочисленных посредников из СНГ и стран дальнего зарубежья не могут привести к нахождению политических решений, которые бы вывели противостояния из патовых ситуаций.

Один конфликт (российско-чеченский) находится в стадии вооруженного противостояния, несколько конфликтов являются потенциально взрывоопасными (например, грузино-абхазский, грузино-южноосетинский). Миротворческие силы (в основном из России и других стран СНГ) консервируют ситуацию и препятствуют перерастанию конфликта в вооруженную стадию. Единственным конфликтом, который удалось вывести на стадию принятия политического решения в странах бывшего Советского Союза, – это осетино-ингушское противостояние на Северном Кавказе, но общая нестабильность в этом регионе не позволяет данное столкновение интерпретировать как завершенное.

При этом необходимо учитывать, что этнополитические вооруженные конфликты – это лишь незначительная часть всех этнополитических столкновений и противоречий на территории стран бывшего Советского Союза, проявившихся особенно интенсивно после крушения коммунистического режима и распада единого государства. Все многообразие этнополитических противоборств на территории стран бывшего Советского Союза можно свести к нескольким типам. В данном случае не принимаются в расчет государства Средней Азии и Казахстана.

Во-первых, это территориальные конфликты часто тесно связаны с воссоединением раздробленных в прошлом этнических групп. Примеры такого типа – конфликты в Нагорном Карабахе, в Южной Осетии, этническое движение лезгинов в Азербайджане и др. Сюда же относятся конфликты, связанные с восстановлением территориальных прав депортированных народов. К ним относятся спор между осетинами и ингушами из-за принадлежности Пригородного района, движение немцев России и СНГ за восстановление своей государственности в Поволжье.

Во-вторых, конфликты, порожденные стремлением этнического меньшинства реализовать право на самоопределение в форме создания независимого государственного образования. Таково положение в Абхазии, отчасти в Приднестровье.

В-третьих, конфликты, в основе которых лежат притязания того или иного государства на часть территории соседнего государства. Например, стремление Эстонии и Латвии присоединить к себе ряд регионов Псковской области Российской Федерации, которые, как известно, были включены в состав этих двух государств при провозглашении их независимости, а в 40-е годы XX века перешли к РСФСР.

В-четвертых, конфликты, вызванные дискриминацией различных этнических групп в странах СНГ и Балтии. Это, прежде всего, столкновения, возникающие в связи с массовым притоком в той или иной регион беженцев и вынужденных переселенцев, или противоречия, связанные с этнократической политикой местных элит.

В-пятых, конфликты, в основе которых лежат факторы исторического характера: происходившие в прошлом войны, произвольно установленные границы между этно-территориальными образованиями, ошибки и промахи в эт-

нополитике государства, дискриминации, обиды, унижения, нанесенные народам. Примерами такого рода столкновений могут быть осетино-ингушский конфликт, татаро-башкирские языковые, культурные и территориальные противоречия.

Подобная типология этнополитических противоборств, естественно, носит идеально-типический характер, но она дает возможность, на мой взгляд, характеризовать контекстные рамки, в которых протекают и урегулируются этнополитические вооруженные конфликты в странах бывшего Советского Союза.

Таким образом, только в консолидированных демократиях или в их взаимодействии возможно «разрешение конфликта». На пути к этому находятся лишь некоторые страны Центрально-Восточной Европы, которые были подвержены этническим вооруженным конфликтам. Среди стран бывшего Советского Союза нет ни одной страны, которую можно признать консолидированной демократией без оговорок, поэтому этнополитические вооруженные конфликты практически не урегулируются, а лишь консервируются, о подлинном разрешении конфликтов не может быть и речи. При этом, не урегулировав политическим путем вооруженные этнополитические конфликты, страны бывшего Советского Союза не могут претендовать на статус консолидированных демократий. Данное противоречие демонстрирует «концептные натяжки» транзитологии и теории конфликта, вызывает сомнения в их универсальности. Можно даже предположить, что страны Центрально-Восточной Европы (за небольшим и может быть временным исключением) действительно совершили демократический транзит, страны бывшего Советского Союза (за небольшим исключением) не могут адекватно интерпретироваться исследователями в транзитологической парадигме. Причины этого можно искать в цивилизационных различиях, социокультурных факторах: религии, менталитете, уровне развития и т. п.

В теории политического конфликта, сформированной на основе опыта западных стран (консолидированных демократий), принято считать, что формами урегулирования этнополитического конфликта являются создание различного рода автономий (прежде всего, для этнических меньшинств) и использование федералистских начал для решения этнических проблем. Автономия предполагает более низкий политический статус, который касается в основном культуры. А субъект федерации имеет политические права, поэтому федерализация – это более эффективный способ урегулирования политических конфликтов с их последующим возможным разрешением. Федерализм имеет определенные преимущества перед централизованными системами управления государствам, так как способствует мобилизации местной активности и повышению эффективности управления за счет существования промежуточного уровня власти. Недостатками федерализма принято считать опасность сецессии различных территорий, возможную потерю контроля над регионами со стороны центрального правительства, увеличение бюрократии, асимметричность в правах и обязанностях субъектов федерации, что может способствовать возникновению новых этнополитических конфликтов.

Альтернативой этнополитического противостояния принято считать и так называемую консоциальную модель А. Лейпхарта [9], которая характерна, по

его мнению, для таких стран, как Нидерланды, Австрия, Бельгия. Подобная модель подразумевает большую коалицию всех этнических групп, основанную на пропорциональности в должностях, этнической автономии, блокировании решения другого этноса.

В этой связи, на наш взгляд, очень интересным представляется до сих пор неисследованный феномен непопулярности федерализма в странах Центрально-Восточной Европы и особенно странах бывшего Советского Союза. В самом деле, новых федераций во всем регионе практически не создано. Некоторые исключения в странах Центрально-Восточной Европы только подтверждают данное правило. Так, Союзная Республика Югославия (СРЮ), а затем Сербия и Черногория постепенно дрейфуют к распаду единого образования, федерация в Боснии и Герцеговине является конфессиональной и в основе своей далека от консолидированной демократии. В странах бывшего Советского Союза фактически единственным исключением из правила является попытка федерализации России, которая, пройдя стадию квазифедерализма, фактически вернулась на сегодняшний момент к состоянию унитарности.

Для определения причин такого феномена нужны специальные теоретические и эмпирические исследования. Но можно предположить, что причинами являются негативный опыт коммунистического периода – господство этнического, а не территориального федерализма; недостаточный уровень развития политической культуры, так как федерализм предполагает толерантность, гражданственность, готовность к компромиссам; неразвитость демократических институтов.

Еще одной важной причиной является отсутствие национальной идентичности и суверенитета у некоторых стран бывшего Советского Союза. Для незрелых государств актуально отсутствие государства как такового, а не федеративных принципов. Характерным примером является Грузия, которая не может позволить себе решать проблемы с сепаратистами с помощью федералистских принципов (создания конфедерации или федерации с Абхазией и Южной Осетией). Суверенитета как такового Грузия после объявления независимости не имела и не имеет. Отсутствует полный контроль над всей своей территорией, государственный аппарат функционирует крайне неэффективно, нет полноценной политической элиты.

Поэтому в странах бывшего Советского Союза лишь в отдельных случаях этническими группами достигается культурная автономия, а о федерализации и консоциальной модели рассуждают лишь ученые в своих теоретических построениях. Примерами культурных автономий, которые привели к политическому урегулированию этнополитических конфликтов ненасильственного толка, являются случаи Гагаузии в Молдавии или предоставление национально-культурной автономии немцам Поволжья в России.

В приведенных выше примерах также присутствует «концептная натяжка», но уже не транзитологическая, а в теории политического конфликта, когда федерализм считается универсальной формой решения этнических противоборств, но при этом в странах Центрально-Восточной Европы и особенно странах бывшего Советского Союза отсутствуют социокультурные и политические предпосылки для этого феномена. Наверное, политологи и конфликтологи

применительно к вооруженным этнополитическим конфликтам в странах бывшего Советского Союза должны руководствоваться подходом, синтезирующим наработки западной цивилизации и наработки, связанные с учетом местного менталитета.

Таким образом, парадигма транзита достаточно удачно экстраполирована на регион Центрально-Восточной Европы, тот материал, который был накоплен учеными при изучении Латинской Америки и Южной Европы, в основном адекватно реализуется при изучении данных стран. Это же относится и к частной проблеме исследования этнических вооруженных конфликтов.

В странах бывшего Советского Союза, имеющих большую социокультурную и политическую специфику, чем выше обозначенные регионы мира, парадигма транзита не показывает своей исследовательской эффективности. С этой точки зрения необходимо к ней добавить опыт, накопленный в странах Центрально-Восточной Европы, и только потом прикладывать научные схемы к практикам стран бывшего Советского Союза.

При этом нужно помнить, что многие теоретики транзита говорили о возможности различных его результатов, в том числе и авторитарных [1, 10, 11]. Наверное, с помощью модернизированных концептов транзита можно будет объяснить авторитарный вектор большинства стран бывшего Советского Союза и, в частности, этнический национализм как фактор, тормозящий демократизацию.

Представляется, что при изучении этнических вооруженных конфликтов в странах бывшего Советского Союза более продуктивным будет исследование возможностей перевода ситуации из стадии консервирования в стадию урегулирования, что должно способствовать стабилизации политических режимов и успешной экономической модернизации стран бывшего Советского Союза.

Summary

A.G. Bolshakov. Ethnic armed conflicts in the process of democratic transition in the countries of the Central Europe and the former Soviet Union.

The article is about influence of ethnic armed conflicts on the process of democratization in Central and Eastern Europe and former Soviet Union countries, analyse tendencies of its proceed and settlement.

Литература

1. *Карл Т.Л., Шмиттер Ф.* Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы (Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций) // Политические исследования. – 2004. – № 4.
2. *McFaul M.* The fourth wave of democracy and dictatorship // Paper prepared for the Annual Meeting of the American Political Science Association. – San Francisco, 2001.
3. *Bunce V.* Subversive institutions: comparative democratization: big and bounded generalizations // Comparative Political Studies. – 2000. – V. 33, No 6–7.
4. *Макаренко Б.И.* Консолидация демократии: «детские болезни» постсоветских государств // Полития. – 2002–2003 (зима). – № 4. – С. 5–18.

5. *Мельвил А.Ю.* О траекториях посткоммунистических трансформаций // Политические исследования. – 2004. – № 2. – С. 64–75.
6. Новые демократии и/или новые автократии? (Материалы круглого стола) // Политические исследования. – 2004. – № 1. – С. 169–177.
7. Третий электоральный цикл в России (Заочный круглый стол) // Политические исследования. – 2004. – № 1.
8. *Mitchell Ch.* Necessitous man and conflict resolution: More basic questions about basic human needs theory // Conflict: Human needs theory. Burton J. – L.: Basingstoke, 1990. – P. 149–150.
9. *Lijphart A.* Democracies: forms, performans and constitutional engineering // Europ. J. of Political Research. – 1994. – V. 25. – № 1.
10. *Даль Р.* Демократия и ее критики. Пер. с англ. / Под ред. М.В. Ильина. – М., 2003.
11. *Пишеворский А.* Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. Пер. с англ. / Под ред. проф. В.А. Бажанова. – М., 2000.

Поступила в редакцию
18.04.05

Большаков Андрей Георгиевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры политологии Казанского государственного университета.

E-mail: bolshakov_andrei@mail.ru